

ТЕОРІЯ ПОЛЬЗЫ И ВЫГОДЫ

Справедливо или нѣтъ, но мы, разсуждая недавно о безобразіи¹, замѣтили, что Базаровы - тѣ-же лишніе люди съ немного только большимъ просторомъ передъ собой; что жестокіе упреки художниковъ нашего времени, а не собственная инициатива ихъ выдвинули; что они наконецъ полезны только отрицательно, какъ прокладывающіе дорогу, а куда и зачѣмъ она пойдетъ - они и сами не знаютъ. Теперь оказывается, что мы ошиблись - они знаютъ эту дорогу, или знали да не хотѣли говорить, а можетъ быть, чего добраго, и открыли только недавно. Польза - вотъ знамя, къ которому теперь думаютъ пристать всѣ, принимающіе тургеневскій типъ Базарова за свой идеаль. Сообразно съ этимъ и самое названіе нигилистовъ

¹ Авторъ говоритъ здѣсь про отзывъ о своей статьѣ «Теорія безобразія», напечатанной въ іюльской книжкѣ нашего журнала. Ред.

теперь упраздняется, смѣнившись болѣе свѣжимъ, хоть и не столь удачнымъ прозвищемъ реалистовъ. Реализмъ по новѣйшему опредѣленію выходитъ строгою экономіею силъ, или отрицаніемъ такой дѣятельности, которая не даетъ полезныхъ результатовъ. Не распротаняясь о томъ, что такое опредѣленіе реализма слишкомъ странно и походить скорѣе на понятіе утилитаризма, мы постараемся доказать, что оно ни къ чему и не ведетъ.

Польза никогда не можетъ быть конечной цѣлью человѣческой дѣятельности, потому что сама дѣятельность тогда будетъ слишкомъ узка и неплодотворна. Польза есть ничто другое, какъ прямое, непосредственное примѣненіе силъ и средствъ къ настоящей минутѣ; добываніе пищи, одежды, забота о насущномъ и о настоящемъ поэтому полезнѣе всего. Но однимъ насущнымъ и настоящимъ человѣкъ не можетъ жить: онъ есть лицо столько-же историческое, сколько и временное. Есть люди, матеріальное удобство для которыхъ выше

всего; есть и такіе, которые не имѣютъ даже пользоваться имъ какъ слѣдуетъ. Одни считаютъ стремленіе къ истинѣ идолопоклонствомъ, а уваженіе къ красотѣ чуть-ли не баловствомъ; другіе находятъ, что ничего нѣтъ полезнѣе великихъ истинъ, которыя подобно свѣту согрѣваютъ и освѣщаютъ. Сытымъ конечно нужно прежде всего быть, но въ томъ-то и бѣда, что всѣхъ сытыми за-разъ и однимъ только реалистическимъ воззрѣніемъ на пользу не сдѣлаешь; объ этомъ еще надо думать, надо толковать, надо великій идеаль родить, надо видѣть во снѣ великія идеи, какъ выражаются о Грановскомъ. Огромный умственный запасъ въ настоящее время и приготовилъ тотъ благородный характеръ и гуманныя стремленія, которыя пошли на утоленіе голода; ратовать противъ непрiloженныхъ еще идей науки и искусства - значитъ увеличивать голодъ, возбуждать жадность въ тѣхъ людяхъ, о которыхъ народная пословица говоритъ - «раньше насъ встали да все и похвалили». Ужели Эрстетъ, открывши вліяніе

электрическаго тока на уклоненіе магнитной стрѣлки, совершилъ непроизводительное дѣло на томъ основаніи, что не примѣнилъ сейчасъ-же и самъ этого закона къ телеграфу. Одни открываютъ, другіе примѣняютъ; раздѣленіе труда того требуетъ. Мы привели только самый простой фактъ, между тѣмъ какъ вся наука тоже самое говоритъ; есть цѣлые отдѣлы въ ней, которые невозможно приложить къ данной минутѣ. Какой кусокъ или лоскутъ вырѣжете вы изъ мрачной теоріи Канта и Лапласа о будущности міра, а между тѣмъ ее нельзя не знать; истина такъ и рвется въ человѣчскія головы. Какую непосредственную пользу выведете вы изъ безотрадной байроновской идеи о демонизмѣ страсти и мукъ знанія; а между тѣмъ шутя относиться къ подобнымъ вещамъ можно только при односторонности развитія. Вотъ отсюда-то и видно, что однимъ хлѣбомъ жить не можно; что если думать только о насущномъ да о настоящемъ, то и самыя задачи пролетаріата (ваши задачи по

преимущество, которыя вы усвоили себѣ въ видѣ привилегіи) останутся неразрѣшонными. Натурализированіе и практицизмъ наукъ начались еще съ Бэкона, но никогда этого не будетъ, чтобы онѣ обратились въ простое изученіе природы и технику. Міръ науки и искусства есть такой феномень, который однимъ своимъ существованіемъ себя оправдываетъ.

Чтобы впрочемъ не тратить словъ и выразиться опредѣленнѣе, мы остановимся на одномъ изъ теперешнихъ нашихъ популяризаторовъ, котораго эксцентричности, какъ въ сужденіяхъ объ искусствѣ, такъ и объ наукѣ, мы не можемъ удивиться. Мы говоримъ о г. Писаревѣ, котораго послѣдняя статья (10 № «Русскаго Слова») противорѣчитъ почти всему, чтъ мы высказали въ своей небольшой статьѣ (Теорія безобразія). Заводимъ эту рѣчь не для того, чтобы полемизировать, или повредить, а для того, чтобы они сами себѣ не вредили, сами себя не обезоруживали.

Въ своемъ нерѣшонномъ вопросѣ г. Писаревъ рѣшаетъ, что отношеніе полезнаго къ пріятному опредѣляется просто-напросто сравненіемъ манной каши съ сахаромъ: дѣти хватаются за сахаръ, взрослые мѣшаютъ кашу съ сахаромъ, то есть полезное съ пріятнымъ. Но въ томъ-то и дѣло, что дѣтямъ сахаръ пріятнѣе, потому что полезнѣе; они любятъ его до неумѣренности и природа не даромъ положила его такъ много въ женское молоко. Взрослымъ сахаръ не рѣдко бываетъ противенъ; для нихъ лучше всякихъ сластей кусокъ хорошо изжареннаго мяса. Да и откуда это выведено, что сахаръ только пріятенъ, а не полезенъ. Наука говоритъ, что крахмалистыя вещества не переходятъ въ кровь, не обратившись прежде въ сахаръ посредствомъ слюны, которую дѣти такъ много теряютъ. Лакомый сахаръ природа образуетъ наконецъ сама въ нашемъ организмѣ (изъ бѣлка или жиру въ печени). Сахаръ есть составная часть яйца, изъ котораго развиваются организмы, и молока,

которымъ они питаются прежде всего. Такъ-то не легко отдѣлать въ природѣ пріятное отъ полезнаго. Мы нарочно привели эти факты, чтобы показать какъ неосторожно наши реалисты играютъ словами, взятыми изъ естественныхъ наукъ. Микроскопъ, скальпель и лягушка у нихъ на каждомъ словѣ; а какъ придется поговорить о нихъ серьезно - они и толкуютъ только фразы въ родѣ памятной намъ, что лягушка есть основаніе русской народности. Уваженіе ихъ къ природѣ болѣе мистическое, чѣмъ дѣйствительное. Оттого-то они и разграфливаютъ такъ жизнь и обращаются съ ней какъ съ своими тетрадами, вычеркивая и выбрасывая что кому вздумается.

Покажется напр. имъ, что все нѣжное, граціозное, легко поддающееся впечатлѣнію, легко высказывающееся не должно существовать, они такъ и говорятъ, и говорятъ много, долго, говорятъ до-того, что читателю невольно приходитъ въ голову: да чего-же они сами заговариваются? А какъ разбереть все это

читатель хладнокровно, такъ и увидить, что всѣ эти фрапирующія фразы основаны на неясномъ пониманіи природы. Имъ нѣтъ дѣла, что человѣкъ на человѣка не приходится, что структура и относительная развитость разныхъ системъ человѣческаго организма разнообразяеть до безконечности жизнь, что разнообразіе, разнохарактерность однихъ организмовъ вліяють плодотворно на другіе организмы, формируютъ и развиваютъ ихъ. Между множествомъ существующихъ подраздѣленій признается напр. тѣлосложеніе крѣпкое, раздражительное и слабое; первое указываетъ на значительное развитіе крови, второе - нервовъ, третье - жиру, костей и железъ въ ущербъ двумъ первымъ системамъ. Медики знаютъ, что все это видоизмѣняетъ даже болѣзни съ ихъ исходами; какже можно думать, чтобъ это-же не видоизмѣняло и характеры людей? Въ дѣйствительности такъ и бываетъ; и поэтому не одни только вырвавшіеся и долго сдерживаемыя чувства слѣдуетъ называть неподкрашенными. Это

зависитъ отъ темперамента и степени раздражительности. Раздражительное тѣлосложеніе напр. всего чаще у женщинъ, и неудивительно, что женщины болѣе воспріимчивы, болѣе способны увлекаться, васказываться, нѣжничать; что любовь абсолютная, страстная, безъ примѣси чувства для женщины невозможна; что никакая порядочная женщина не отдастся вполнѣ мужчинѣ, если онъ не затронетъ въ ней самыхъ чувствительныхъ струнъ души, - развѣ какіе-нибудь патологическіе субъекты - *viragines*. Базаровъ, какъ справедливо замѣчено въ нерѣшонномъ вопросѣ, не хочетъ кружить голову женщинѣ, опаивать ее дурманомъ граціозныхъ нѣжностей, а желаетъ, чтобы любовь обрушилась на нее какъ снѣгъ на голову. Отъ ботаническихъ экскурсій, отъ бесѣдъ о химіи прямо - къ порывамъ страстной привязанности. А стыдъ, это неотъемлемое свойство даже и падшихъ женщинъ, это оружіе, которое природа вложила въ темпераментъ женщины, чтобы ее не слишкомъ эксплуатировалъ мужчина.

Кому напримѣръ неизвѣстно, что молодой влюбленной дѣвушкѣ нужно иногда большое усиліе, чтобы поцаловать въ первый разъ мушину, что любовь ея идетъ съ томительной постепенностью, которая для остывшаго или истратившагося по мелочамъ, истаскавшагося человѣка пожалуй и смѣшна, а для начинающаго жить очень естественна: вздохи, взгляды, встрѣчи, слова, улыбки, переписка, пожатіе рукъ..... Все это пожалуй требуетъ много времени, за то сохраняетъ здоровье и цѣльность силъ нравственныхъ; потому что нѣтъ лучшей защиты отъ проституціи, какъ любовь отразившаяся на всемъ человѣкѣ. Одинцова не испугалась-бы объятій, если-бы они имѣли только значеніе объятій. Одинцова еще не любила, а только начинала любить; Базаровъ-же при началѣ захотѣлъ конца; и все это не въ силу пылкости, а оттого, что ему некогда было нѣжничать. Естественно, что Одинцова не могла ему довѣриться: такой человѣкъ также легко могъ обнять, какъ и бросить, исковеркавши чужую жизнь безжалостно и

эгоистично. Этой широкой свободѣ нравовъ, на которую до сихъ поръ еще женщину уговариваютъ, она не слишкомъ-то легко поддается. Женщина хоть и не знаетъ, что для нея существуютъ цѣлыя лишніе отдѣлы терапіи, но чувствуетъ инстинктивно, что любовь ей обходится дороже чѣмъ мушинѣ, а слѣд., что ей дороже нужно заплатить за ея любовь, чѣмъ одной только силой влеченія, а именно гуманностью, преданностью, уваженіемъ, - именно всѣмъ тѣмъ, что отличаетъ высшее проявленіе любви человѣческой отъ животной любви. Нечего значить и удивляться, что Одинцова испугалась свирѣпой привязанности Базарова. Только люди черезъ чуръ испытанные въ любви бросаются въ объятія безъ предисловія, или еще жители юга въ первобытномъ состояніи. Вся сатанинская гордость, сердитость и хмуренье въ любви Базарова есть явленіе напускное; онъ вовсе не былъ тѣмъ, чѣмъ казался: онъ былъ смиреннѣй, какъ самъ о себѣ замѣтилъ. Даже тутъ можетъ было что-то

школьническое, мальчишеское, коверканное, подражательное, книжное, - смѣшное и юное, съ необсохшимъ на губахъ молокомъ. Одно изъ двухъ, или Базаровъ былъ не русскій, не житель сѣвера, или онъ фальшивилъ, надѣвалъ на себя какой-то реалистическій плащъ, въ родѣ того, какъ когда-то кутались въ плащъ романтическій. Базаровъ тутъ выглядываетъ скорѣе сродни Инсарову, чѣмъ дьячку, какъ утверждаетъ Тургеневъ.

Заслуга Тургенева во всякомъ случаѣ большая. Уже другой годъ говорятъ не наговорятся критики наши по поводу романа. Сколько умныхъ вещей было высказано, сколько сомнѣній разрѣшено, сколько вопросовъ затронуто, и все это по поводу одного художественнаго произведенія. Что-же послѣ того толкуютъ наши quasi-реалисты о бесполезности двухъ классовъ: художниковъ и эстетиковъ, ухлопывающихъ свою жизнь на экстазы. Они не только дѣлаютъ черезъ это дѣло, но еще другимъ задаютъ задачи для дѣла. Такова-то сила художественнаго

воспроизведенія дѣйствительной жизни. Поэты въ этомъ случаѣ точно подносятъ зеркало учонымъ. Нате-ка вотъ посмотрите на себя; и они смотрятъ: кто любитъся, кто сердится, кто принимаетъ подставленное изображеніе за карикатуру, кто за портретъ. А работа кипитъ и мысль зрѣетъ. И что всего важнѣе въ такихъ случаяхъ, такъ это то, что подобный толчокъ обыкновенно выставляетъ въ яркомъ свѣтѣ всѣ парадоксальности, принимающія у насъ видъ истинъ. Послѣднее у насъ очень часто случается при необыкновенной шаткости общественнаго мнѣнія и удивительной способности бросаться на всякую эксцентричность, отъ недостатка какого-бы то ни было собственнаго, органически выжитаго, серьезнаго основанія. (Мы говоримъ здѣсь только о высшихъ слояхъ нашей народности.) Никто не хочетъ (да пожалуй ужъ и не можетъ) жить своимъ умомъ; отнестись критически; обыкновенно пристраиваютъ себя къ какому-нибудь авторитету (корень котораго изъ Европы), или принимаютъ съ величайшимъ

простодушiемъ прозвище: отсюда нигилисты, реалисты и другія прозвища, мало что выражающія.

Что такое реалистъ? Намъ говорятъ, что это во первыхъ человекъ, который не отдыхаетъ; но отдыхъ, выражаясь реалистически, есть свойство нервной системы; дѣятельность и отдыхъ есть, такъ сказать, волны, пульсъ нервовъ. Которая-нибудь способность должна-же бездѣйствовать въ то время, какъ другая работаетъ. Постоянное напряженіе одной и той-же способности или члена требуетъ всегда смѣны; во снѣ всѣ нервы отдыхаютъ. Значитъ о работѣ безъ отдыха въ одномъ направленіи нечего и говорить; это будетъ лицемѣріе трудолюбиваго человека, а не реализмъ. Реалисты, говорятъ еще, не рядятся и не франтятъ, не считаютъ за выраженіе самоуваженія чистку ногтей и волосъ; но это опять не добродѣтель: франтятъ обыкновенно не эстетика, а люди ограниченные, радующіеся какой-бы то ни было формѣ, всего чаще модной, которая Богъ знаетъ по какимъ законамъ

происходить; поэты-же бывают часто неряхами. Хотите нападать на людей признающих поэзію, - говорите о чѣм-нибудь болѣе существенномъ чѣмъ франтовство. Утверждаютъ также реалисты, что на женскую красоту надо смотрѣть проще, циничнѣе, принимая это слово въ облагороженномъ видѣ. Но эта напускная страстность, это удивительное умѣнье любоваться женщиной, начиная съ плечъ, это желаніе разнообразія въ любви, которое обнаружилъ Базаровъ въ поползновеніяхъ на Өеничку и Одинцову, - есть только одна изъ характерныхъ особенностей столичныхъ нравовъ. Благодаря огромному скопленію народа, въ столицахъ обыкновенно живутъ не по физическимъ средствамъ и не по климату; страсти кипятъ, такъ что другой разъ кажется городъ сдвинулся на нѣсколько градусовъ къ югу; а тутъ смотришь сырость, туманы, холодъ. Гдѣ-бы кажется разыгратъя реалистической сторонѣ любви? Реалисты стараются еще убѣдить, что между взглядами художника и глупаго сенсуалиста

на статью нѣтъ существенной разницы, и осуждаютъ Добролюбова, что онъ видитъ разницу между пріапической улыбкой и эстетическимъ удовольствіемъ; но это неумѣнье видѣть разницу между половыми отправленіями и эстетическимъ удовольствіемъ опять не характеризуетъ реализмъ. Говорятъ тамъ о какихъ-то ребятишкахъ, забавляющихся игрушками и обвиняющихъ въ развратныхъ стремленіяхъ людей, проводящихъ жизнь въ кабинетахъ; но эти люди оттого-то и выдумали средство лечить проституцію проституціей, что думали объ этомъ въ кабинетахъ. Человѣку, узнавшему развратъ, менѣе чѣмъ кому-либо можетъ придти въ голову, что будто широкая свобода нравовъ и совершенное отрицаніе ревности улучшаютъ нравы. А именно это-то стремленіе и началъ съ недавняго времени прохватывать наши головы (дай Богъ, чтобъ только головы); это видно изъ любой повѣсти. Беллетристика прежде всего воспользовалась этого рода публицистикой. Возьмемъ для примѣра хоть какую-нибудь,

ну хоть «Смѣлый шагъ» (все равно, на одинъ вѣдь ладъ). Женщина, у которой мужъ не дурень, не глупъ, не деспотъ и не ревнивецъ, какъ-бы насильно влюбляется въ студента, занятого дѣломъ и уроками для поддержанія себя. Студентъ удаляется, она къ нему льнетъ, мужъ великодушничаетъ и «остается въ ея глазахъ», какъ говоритъ авторъ, умнымъ, добрымъ и хорошимъ человѣкомъ; но это ей мало (!). Она, видите-ли, мечтаетъ о студентскихъ домикахъ; она изъ сближенія съ молодежью инстинктивно чувствовала, что ей и имъ нужно счастье. «Я знаю, что ты въ меня не влюблена, говоритъ ей мужъ въ отвѣтъ на ея признаніе; но вѣдь романтическое чувство не переживаетъ медоваго мѣсяца.» И это такъ, хотя медовый мѣсяць бываетъ и разной величины, и хотя послѣдующіе мѣсяцы и даже годы могутъ быть вовсе не хуже медоваго, потому что любовь человѣческая обладаетъ развитіемъ. Короче, авторъ заставилъ свою героиню убѣжать отъ умнаго и хорошаго мужа къ

бѣдному, ничего неимѣющему студенту, и этимъ конечно испортить жизнь обоихъ. И это называется Смѣлый шагъ. На счетъ того, какъ старались запутать у насъ и другія семейныя отношенія, мы можемъ тоже привести беллетрической фактъ таланта, дѣйствовавшего въ томъ-же направленіи. Въ лучшей повѣсти Помяловскаго, Молотовъ, рассказано какъ одинъ господинъ, подавши нищему мальчику пять копѣекъ, замѣтилъ, что онъ половину зарылъ въ землю, чтобы спрятать отъ матери. - А у тебя мать злая? спрашиваетъ его герой. - Чертовка. Ну какъ было не дать такому развитому мальчику еще пяти копѣекъ. И онъ далъ. И авторъ остался къ этому равнодушень. Реалисты пожалуй откажутся отъ солидарности съ подобными повѣстями, и приведуть мѣста изъ нерѣшоннаго вопроса, гдѣ говорится о примиреніи съ родителями, о вѣчномъ сожителствѣ супруговъ и нѣжномъ желаніи дѣтей; но это ужъ отступленіе отъ прежде высказаннаго, и отступленіе слишкомъ неловкое. Въ сущности-же

реалисты остались тѣми-же нигилистами. Даже отношенія къ народу нисколько не измѣнились: они по прежнему высокоумѣрны и презрительны. Народъ называется ими если не грубыми животными, то бессмысленными машинами, матерьяломъ, тѣстомъ, квашней. Если-бы да зналъ народъ этотъ какъ величаютъ его такъ называемые его друзья!

Народъ нашъ невѣжественъ, необразованъ, но его прежде всего образуетъ натура. Какъ образованные, такъ и необразованные слои общества можно дѣлить на двѣ половины - людей даровитыхъ и бездарныхъ; даровитые между народомъ не бездѣйствуютъ: сборники сказокъ, пѣсенъ и пословицъ служатъ живымъ доказательствомъ. Мы говоримъ про это для примѣра, потому что это наиболее въ виду, но чтъ мы знаемъ изъ всей народной дѣятельности и далеко-ли наше изученіе быта? Даровитые люди нашего образованнаго класса этого безъ вниманія оставлять не должны. Это есть одинъ изъ пунктовъ соединенія нашего съ

народомъ и лучшее средство пріобрѣсти къ нему уваженіе. Реалисты этихъ произведеній народнаго ума и фантазіи не знаютъ, и потому неудивительно, что народъ имъ кажется безсмысленными машинами и выраженіе его духовной дѣятельности впродолженіе многихъ вѣковъ кажется имъ ничтожнымъ фактомъ. Что-же еще говорятъ о себѣ реалисты? - что выражаются некрасиво; но этому явное противорѣчіе самъ г. Писаревъ, котораго языкъ картиненъ и мѣтокъ. Или, что чѣмъ красивѣе чувство, тѣмъ будто-бы оно слабѣй? - Это опять странно. Природа-бы поставила людей въ ужасное положеніе, если-бы имъ пришлось жиденькія чувства выражать хорошо, а искреннія движенія души дурно. Языкъ отъ мысли не отдѣлимъ. Мыслить и чувствовать это тоже, что говорить про себя; на этой связи даже основанъ процессъ чтенія молча. Чувства могутъ быть выражены искренно и неискренно, но въ комъ они есть, на того больше разсчиту что оно хорошо выскажется.

Впрочемъ тутъ у реалистовъ можетъ быть просто ошибка: они фразерство, кудреватость фразы, завитокъ и напыщенность принимаютъ кажется за поэзію и за эстетику. Это значить не знать того, противъ чего споришь, а это ужь недобросовѣстно. Знайте-же, что поэзія лишнихъ и ненужныхъ словъ не говоритъ; что это ея законъ органическій. И что самая красивая и самая эстетическая фраза есть именно та, въ которой каждое слово необходимое. Утверждаютъ еще, что вновь народившійся реализмъ руководствуется всегда анализомъ и сознательной критикой, между тѣмъ какъ эстетики выѣзжаютъ на одномъ непосредственномъ чувствѣ, привычкѣ и рутинѣ. Странное смѣшеніе словъ! Рутинѣ есть въ наукѣ и въ искусствѣ; учоныя рутинеры - ходячее слово. Анализъ существуетъ и въ поэзіи. Самъ г. Писаревъ когда-то восхищался анализомъ и реализмомъ г. Писемскаго; а непосредственное чувство есть такой пунктъ, изъ котораго вырастаютъ и умственныя и эстетическія движенія, да и

самый анализъ. Не было-бы непосредственнаго чувства, не было-бы и жизни, нечего было-бы и анализировать. Все происходитъ изъ жизни: она всему начало. - Вѣдь утверждаете-же вы, что тягостное чувство при свистѣ вагона и отвращеніе къ некрасивой женщинѣ имѣють фізіологическое основаніе; почему-же не быть ему въ отношеніи картинъ, статуй и эстетическихъ произведеній? Вы говорите, что всѣ эстетическія симпатіи основаны на рутинѣ и привычкѣ къ хорошему отзыву о нихъ, но вѣдь не всѣ-же руководствуются чужими, родительскими отзывами, не всѣ вѣрятъ похваламъ людей смѣшивающихъ Поль-де-Кока съ Гоголемъ. Да и гдѣ теперь такіе люди? Анализъ эстетическій есть не менѣе сложное дѣло, какъ и анализъ научный. Да этакъ пожалуй всю связь нашу съ прошлымъ, всю заимствованную и руководящую нить опыта историческаго можно назвать рутиной. Нѣтъ, если не вѣримъ, что Гете геніальный поэтъ, а Гумбольдъ великій учоный, то это не на основаніи наставниковъ насъ сѣкшихъ и

родителей, жившихъ безгрѣшными доходами (какъ хотятъ насъ увѣрить), а на томъ, что, провѣривши собственнымъ умомъ и тайными пророчествами непосредственнаго чувства, мы дѣйствительно нашли Гете и Гумбольдта такими. Многіе изъ современныхъ дѣятелей провѣрку эту простираютъ до такой степени, что вычеркиваютъ не только какія нибудь воззрѣнія или факты, а всю сферу поэтической художественной дѣятельности. Не вѣдаютъ что творять. Себя обезоруживаютъ, и жизнь и себя убить хотятъ. Противъ этой-то обезоруженности, а не противъ нихъ, мы и стоимъ. Послѣ когда-нибудь они еще болѣе въ этомъ убѣдятся.

Теперь-же, что-бы болѣе выставить какъ реалисты дѣйствуютъ противъ самаго реализма, мы приведемъ еще фактъ. Въ «нерѣшонномъ вопросѣ» рѣшаютъ еще, что въ эпохи изслѣдованія открытій и опытовъ, науки занимающіяся людскими отношеніями (исторія и политическая экономія) не представляютъ никакого

интереса и ими занимаются только люди подобные Грановскому и Кудрявцеву, которых за это и называют сладкогласными сиренами. Но исторія и политическая или общественная экономія, для знающихъ, представляютъ не менѣе интереса для изслѣдованія, какъ и естественныя науки. Онѣ есть анатомія и физиологія человѣчества. Политика и публицистика невозможны и непонятны безъ значенія исторіи прошлаго. Не рѣшаясь назвать исторію ничѣмъ, г. Писаревъ говоритъ, что при раціональномъ преподаваніи она все еще что-нибудь, но при плохой переработкѣ, исторія обращается въ галерею Рембрантовскихъ портретовъ. И какъ примѣръ такой худой переработки онъ приводитъ Маколея, на счетъ котораго и проситъ доказать: принесъ-ли онъ хоть крупинку дѣйствительной пользы? въ этомъ, какъ и въ многомъ другомъ, проглядываетъ столь-же поверхностное, сколько и искреннее увлеченіе новизной. Бокль своимъ «открытіемъ историческихъ законовъ» такъ

на него подѣйствоваль, что онъ всего прежде сдѣланнаго въ исторіи знать болѣе не хочетъ. Но до Бокля (не будемъ теперь спорить собственно о Боклѣ) вѣдь былъ Контъ, Риттеръ, Кетле. Осмысленіе и озаконеніе исторіи проглядываютъ въ всякомъ болѣе или менѣе мыслящемъ историкѣ. Грановскій этого тоже не былъ чуждъ. Его переводъ Мильна Эдвардса о человѣческихъ породахъ лучше всего показываетъ на сколько онъ считаль важнымъ связь природы съ исторіей. Г. Писаревъ вѣрно это забыль, называя такъ невеликодушно нашего лучшаго дѣятеля сладкогласною сиреною.

Исторія, даже и въ прежнемъ своемъ видѣ, съ одними безпристрастными разсказами о прошломъ, имѣеть огромную долю полезности. Требовать, чтобы люди не уважали свою исторію, - тоже, что требовать, чтобы они забыли прошлое, или чтобъ они на примѣръ отрѣзали себѣ носъ, какъ требоваль нѣмецъ у Гоголя, руководясь тоже утилитарной идеей, что на нюхательный табакъ много денегъ въ

«скверный русскій магазинъ выходитъ». Неуваженіе къ людямъ ужаснѣйшее. И всебы силкомъ, все бы требовать. Да этого и сами натуралисты нашимъ реалистамъ не позволяютъ. И они при разборѣ фактовъ не забываютъ объ ихъ историческомъ развитіи. Первою книгою премудрости въ новѣйшей цивилизаціи были конечно классики; вторая - исторія: благодаря только ей, гуманизмъ получилъ натоющее значеніе, только во имя исторіи совершались всѣ подвиги прогрессистовъ и тружениковъ. Гуманизмъ есть добродѣтель чистой, а не прикладной науки. Теперь къ общечеловѣскому образованію присоединяется еще третья книга - естествовѣденіе; имъ даже хотятъ замѣнить исторію, которая до сихъ поръ стояла впереди другихъ наукъ. Но это невозможно. Исторія всегда будетъ введеніемъ чловѣка въ цивилизацію, въ кругъ общественныхъ интересовъ. Естественныя науки увеличили наши средства, осыпали насъ благодѣяніями, поставили на землю, связали тѣснѣе съ природой; но съ людьми насъ всегда будетъ

вязать исторія. Естественныя науки оказывали-бы слишкомъ худую услугу, если-бы служили не основаніемъ и подготовкою наукъ политическихъ, какъ думаль Бэконъ, а разрушеніемъ ихъ. - И что за мысль: дробить науки на части, вмѣсто того чтобъ ихъ обобщать!

И что за странная замашка порицать все прошлое, ставить ни въ грошъ всѣхъ дѣятелей, которые подготовили наше время. Только одни мы и хороши, - такъ думаетъ о себѣ наше поколеніе. Такъ думаютъ и всѣ научившіеся чему-нибудь мальчики про своихъ отцовъ и матерей. Замашка школьная. И откуда такое страшное самодовольство? «Если-бы Бѣлинскій и Добролюбовъ поговорили между собой, то они-бы разошлись во многихъ пунктахъ, а если-бы мы поговорили съ Добролюбовымъ, то мы бы не сошлись съ нимъ ни въ одномъ пунктѣ». Да что вы говорите все о себѣ, не о васъ рѣчь. Богъ съ ними, съ стариками, пойдемъ лучше впередъ, вмѣсто того чтобы заниматься бросаніемъ каменьева назадъ. Да еще и

другъ въ друга бросають чуть-ли не булыжниками. Полемика конечно вещь полезная, но только не въ томъ видѣ, не съ тѣмъ грубымъ характеромъ, какъ она у насъ ведется. Сперва все раздавался въ ушахъ читателей свистъ и шиканье, потомъ пошолъ взаимный обмѣнъ крѣпкими словами уже самихъ шикателей и свистуновъ, а теперь читателю чуть-ли самому не приходится кричать. А нуте-ка, нуте, кто кого! Мы тоже испытали удовольствіе быть обруганными и не скажемъ, чтобы это удовольствіе было слишкомъ большое(1). Все не ругали, не ругали, въ какихъ передрягахъ ни случилось быть, напечатали - и конецъ прежнему безобидному положенію. И что тутъ всего замѣчательнѣе, что г. Посторонній Сатирикъ при началѣ своей статьи даль слово не говорить ничего обиднаго, и все-таки не могъ удержаться - до такой степени видно необходимо быть обруганнымъ въ видѣ посвященія. Впрочемъ мы еще сравнительно съ другими пощажены, если исключить презрительный

тонь отзыва; но этот тонь уже потому былъ необходимъ, что говорилось нѣкоторымъ образомъ въ духѣ литературнаго генеральства. Это литературное чиновначаліе и есть именно одинъ изъ источниковъ, вошедшихъ въ наши нравы литературной ругни. Всякій пишущій публицистъ считаетъ себя чѣмъ-то необыкновеннымъ, другихъ-же чуть-ли не за дураковъ. Теперь если представить, что нѣсколько такихъ необыкновенныхъ людей сойдутся вмѣстѣ, то понятно что изъ того послѣдуетъ. Правду говоритъ г. Писаревъ, что наши умственные средства расходуются неразсчитливо, и что мы заняты не столько живыми идеями, сколько моральной болтавней, и говорить это чуть-ли не про самого себя. «Человѣкъ вполне реальный можетъ обходиться безъ того, что называется личнымъ счастіемъ; ему нѣтъ надобности освѣжать свои силы любовью женщины, или хорошей музыкой, или смотрѣніемъ Шекспировской драмы, или просто веселымъ обѣдомъ съ добрыми друзьями. У него можетъ быть одна

слабость - хорошая сигара, безъ которой онъ не можетъ вполне успѣшно размышлять.» Сигара по этому выходитъ выше Шекспировской драмы, а кто не курить совсѣмъ, тотъ пусть лучше и не размышляетъ. (Вспомните, что мы сказали выше о подрожательно-книжномъ ломаніи Базарова и о реалистическомъ плащѣ, замѣнившемъ романтическій). Не моральная-ли это болтовня? Многописаніе страшное одолѣваетъ въ этомъ отношеніи литературный міръ. Точно также какъ одинъ нѣмецкій учоный, помнится, рассуждая о громадности палеонтологическихъ терминовъ, высказывалъ опасеніе, чтобы наука не задавила себя помостками и лѣсами, такъ точно можно бояться теперь, чтобы дѣльные мысли и факты не потонули въ морѣ воды и безцвѣтности. Другой-бы и прочель ту или эту статью, да слишкомъ растянута, черезъ чуръ требуетъ много времени, а у другого не хватаетъ и терпѣнія. Точно и говорить мы разучились о дѣлѣ коротко и ясно. А еще кричатъ

противъ художниковъ и эстетиковъ. Повторяемъ вамъ еще разъ, что у настоящаго художника нѣтъ ненужныхъ словъ, а напротивъ всякое слово - строго необходимое.

Что-же послѣ всего этого заключаетъ въ себѣ вновь народившійся реализмъ съ своей пресловутой полезностію? Еще ничего пока. Отрицаніе и отрицаніе, какъ прямое слѣдствіе не совсѣмъ свободаго положенія литературы, а не какой-нибудь новой плодотворной мысли. Даже слово гуманность почти отвергають, или какъ будто стыдятся произносить. Г. Писаревъ еще кое-что говоритъ о солидарности, хоть и старается ее вывести изъ любви къ самому себѣ; но другіе такъ рѣшительно проповѣдуютъ какую-то доктрину эгоизма. Мы, говорятъ проповѣдники этого ученія, можемъ и должны быть полезны другимъ не иначе, какъ изъ выгоды себѣ; всякая польза другимъ, неоснованная на этой выгодѣ, значить не польза; и этотъ такимъ образомъ облагороженный эгоизмъ есть единственный источникъ всѣхъ великихъ и

малыхъ подвиговъ. Тутъ просто дѣтское непониманіе сути дѣла. Это первые радостные взвизги дѣтей, а можетъ быть даже и простодушное удивленіе того мольеровскаго господина, который въ первый разъ узналъ, что люди говорятъ въ прозѣ. Гуманное начало эти господа рѣшительно не признають какъ самостоятельный принципъ, всѣ великодушныя поступки подводятся ими подъ разрядъ эгоистическаго. Но съ которой-бы стороны мы ни взглянули на міръ, онъ вездѣ состоитъ изъ двухъ сторонъ, изъ двухъ крайностей, взаимно другъ друга дополняющихъ; міръ разодранъ на двѣ половины, какъ выразился великій поэтъ. Есть тепло, есть холодъ, есть свѣтъ и темнота, есть добро и зло, есть эгоизмъ и гуманизмъ. Эгоизмъ и гуманизмъ составляютъ два такія-же неразрывныя и обоюдныя начала, какъ сила притягательная и отталкивательная. Магнетизмъ, электричество, нервная сила, мысль - все имѣетъ эти двѣ стороны - положительную и отрицательную. Эгоизмъ

и гуманизмъ есть плюсь и минусъ того, что мы разумѣемъ подъ словомъ любовь. Смѣшеніе двухъ полюсовъ этого мірового дѣятеля произвело-бы въ жизни такую-же путаницу, какую-бы произвело въ наукѣ смѣшеніе началъ положительнаго съ отрицательнымъ. Человѣкъ есть не только существо само по себѣ, но и существо для другихъ, а какже оно можетъ быть для другихъ, когда внѣ его, какъ говорятъ эгоисты, нѣтъ ничего, что-бы гуманное себя отрицающее начало и есть то, что вмѣстѣ съ эгоизмомъ и разнообразить жизнь. Только изъ равновѣсія эгоизма и гуманизма въ личности, или лучше сказать изъ нормальнаго закона человѣческой природы, который долженъ-же быть, - образуется то, что мы называемъ честный человѣкъ².
Проповѣдники облагороженнаго эгоизма

² Разумѣется авторъ говоритъ здѣсь не о благоразумно-буржуазномъ дѣленіи нравственной стороны человѣка на части. Т. е., что одна сторона человѣка должна признавать въ томъ-то и томъ-то свои права, а другая и долги къ человѣчеству. Намъ кажется, что авторъ понимаетъ примиреніе эгоизма и гуманизма только въ высшемъ самосознаніи, т. е. чѣмъ выше будетъ сознаніе и самоощущеніе своего собственнаго лица, тѣмъ выше и наслажденіе жертвовать собой и всей своей личностью изъ любви къ человѣчеству. Здѣсь человѣкъ, пренебрегающій своими правами и возносящійся надъ ними, принимаетъ какой то божественный образъ, несравненно высшій образа всесвѣтнаго, хотя-бы и гуманнаго кредитора, благоразумно, хотя бы и гуманно занимающагося всю жизнь опредѣленіемъ того, чтѣ мое и чтѣ твое.
Ред.

понимають это слово иначе; они говорятъ, что вполнѣ честный человекъ есть вполнѣ развитой эгоистъ. Нужно-ли говорить на сколько поколѣніе Грановскихъ и Бѣлинскихъ правѣе въ этомъ отношеніи многихъ и многихъ изъ нашего поколѣнія?

Сильнейшѣ опроверженіе этой новой доктрины эгоизма представляетъ конечно сама жизнь. Можно-ли всѣхъ жертвующихъ собою, сражавшихся за идею, спасающихъ жизнь другимъ съ опасностію своею - подвести подъ разрядъ эгостовъ? А такіе люди нерѣдки; они не видны только, не вызваны жизнию; одинъ случай, внезапное столкновение - и самый обыкновенный человекъ является героемъ. Объяснить такія явленія однимъ эгоистическимъ началомъ невозможно, да это-бы повело только къ ослабленію въ людяхъ чувства состраданія. Самихъ проповѣдниковъ этой теоріи, людей по природѣ гуманныхъ, объясненія эти еще не спугаютъ; но вотъ о послѣдователяхъ, людяхъ болѣе практическихъ, этого уже нельзя сказать: оно даетъ имъ случай оправдать этой

теоріей самые безнравственные поступки. Изъ этого-же облагороженнаго эгоизма развился, какъ кажется, и тотъ широкій всеобъемлющій космополитизмъ, который не признаетъ народнаго обособленія и почти хочетъ сказать своими стремленіями отечество - это я!

Удивляться впрочемъ нечего, что люди, начавшіе разрушать эстетическую сторону жизни, не признали также и гуманность въ чистомъ ея значеніи. Между чувствомъ эстетическимъ и гуманнымъ - самая глубокая связь. Въ прежней своей статьѣ мы доказывали, что нравственное чувство есть тоже что чувство эстетическое, примененное только къ дѣйствительной жизни; что если человекъ станетъ всегда размышлять полезно-ли это для него или нѣтъ, то онъ можетъ и солгать кстати, и обмануть невольно, и струсить тамъ, гдѣ-бы онъ не побоялся, слѣдуя выбору своихъ нравственныхъ влеченій. Что-же это такое за выборъ, которымъ человекъ руководствуется въ лучшія минуты своей жизни, въ минуты героизма? Разсудокъ

говорить, что это прямо противно его интересамъ, угрожаетъ опасностію его жизни, а онъ все-таки прельщается благороднымъ великодушнымъ поступкомъ. Значить, не только представленіе и изображеніе, но и дѣланіе такого рода поступковъ приносить человѣку наслажденіе; въ своихъ гуманныхъ дѣлахъ онъ болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь руководствуется уваженіемъ къ красотѣ и выборомъ эстетическаго чувства. А наслажденіе есть польза. Да кромѣ того, тутъ есть и другая польза, господа близорукіе, потому что изъ тѣхъ поступковъ собственно составляетъ жизнь; жизнь вѣдь не въ одной ѣдѣ. У васъ-же общій-то знаменатель, какъ ни называйте его, все-таки выходитъ - брюхо. Даже сигара, о которой вы давеча говорили, - тоже брюхо. Герой-же - это какъ-бы поэтъ, проявляющій въ дѣйствительности изящнѣйшія и благороднѣшія движенія нашей природы. Герой и самъ себѣ нравится и намъ нравится. Герой - побѣдитель; за героемъ всѣ идутъ, и идутъ

по охотѣ, съ любовью, а не изъ одной выгоды, въ героѣ - сила жизненная. Желать надо героевъ какъ можно больше и во всѣ времена. Придется и теперь великимъ людямъ спасать общество, запутавшееся въ своихъ бѣдахъ и ошибкахъ. Не будетъ впереди героевъ, стануть на ихъ мѣсто пигмеи, которые даже и по слѣдамъ великихъ дѣятелей могутъ надѣлать великія глупости. А вѣдь пигмеи ужасно любятъ становиться на мѣсто героевъ. Это отчего? - И какъ только стануть на мѣсто героевъ, тотчасъ-же провозглашаютъ законъ, чтобъ всѣмъ людямъ по одной мѣрки расти. И непременно законъ, насильный законъ, ровно ничего не понимая въ томъ, что такое значить настоящее равенство.

Какую напимѣрь путаницу производитъ эта новая доктрина эгоизма рядомъ съ социалистической теоріей. Послѣдняя въ сущности безвредна и ограничена, какъ то-же экономическое разрѣшеніе буржуазнаго понятія о человѣкѣ и о жизни; но вооруженная эгоизмомъ она становится чистымъ пугаломъ. вмѣсто того, чтобы

побольше выяснять, что личность человека принадлежит не только себѣ, но и другимъ, - эгоисты налегаютъ только на то, что имущество принадлежит всѣмъ. Ужь что мое, то трудно сдѣлать чужимъ волею другого: одинъ я вправѣ сдѣлать это самопожертвованіе. А для этого необходимо прежде всего, чтобъ меня убѣдили, что не только приобрѣтеніе, но и дѣлежъ приобрѣтеннымъ свойственны и натуральны намъ; что приобретенію есть извѣстная граница, которую переступаютъ только путемъ привилегій; что корысть и честность - несовмѣстны, безкорыстіе и честность - идентичны; слово-же честный почти равно слову счастливый. Что наконецъ если вѣрятъ всѣ, что ближняго нужно любить не менѣе какъ и себя, то поэтому и самое желаніе слишкомъ большого богатства не совсѣмъ честно. Но начало гуманное, начало самоотрицанія, если только оно будетъ развиваться, - помѣшаетъ не только слишкомъ богатѣть, но и наслаждаться вполне богатствомъ. Обыкновенно вѣрують, что жить одному за многихъ

хорошо; мы этого не думаемъ: богатство не доставляетъ намъ того счастія, котораго отъ него ждутъ. Въ роскоши можно утопать, но ею нельзя наслаждаться; роскошь даже часто стѣснительна и обременительна; для человѣческаго довольства непременно долженъ существовать въ законахъ природы предѣлъ, перейдя который, - человѣку становится тяжело отъ богатства, и законъ этого предѣла можетъ быть когда-нибудь и откроется. Къ роскоши надо въ извѣстной степени привыкать. Человѣку, жившему въ небольшихъ уютныхъ комнатахъ, будетъ сначала тяжело, если его судьба вдругъ переведетъ въ раззолоченные сараи, называемые великосвѣтскими залами; его сначала будетъ давить тоска, чувство неловкости, неодолимое желаніе раздѣлить это огромное пространство съ другими людьми: отсюда начало празднествъ, пышныхъ угощеній, юбилеевъ, серебряныхъ и золотыхъ свадебъ и прочаго въ этомъ родѣ. Человѣкъ значитъ не въ силахъ удержать при себѣ всего, чѣмъ наградила его судьба. Но выразимся еще

искреннѣ. Роскошь считали добродѣтелью аристократовъ и преступленіемъ противъ чловѣчества. Между тѣмъ какъ настоящіе демократы стыдились роскоши, аристократы ею тщеславились; но роскошь падаетъ, время процвѣтанія ея уже проходитъ. Эстетическое наслажденіе безмѣрно выше. Первый шагъ, сдѣланный людьми въ этомъ отношеніи, есть стремленіе къ комфорту. Богатые люди рѣшаются на благотвореніе; да этимъ они рѣдко достигаютъ своей цѣли. Благодѣяніе, благодѣтели - слова притворныя. Благодѣтелемъ чловѣкъ можетъ быть въ отношеніи животнаго; равному-же себѣ существу онъ можетъ только оказывать услуги. Такъ называемыя благотворительныя заведенія потому не достигаютъ своей цѣли, что они считаются благотворительными. Честному чловѣку даже неловко когда его благодарятъ. Одно только чувство любви, проявляющееся иногда въ горячей благодарности, дѣлаетъ ее пріятною; но все-таки приниженіе другого существа передъ собой тяжело

выносить. Ощущеніе, съ которымъ человекъ дѣлаеть важныя услуги, указываетъ фактически, что въ нашей личности не только я, но и онъ, что мы принадлежимъ не однимъ себѣ, но и другимъ.

До тѣхъ поръ, пока гуманное начало не придетъ въ равновѣсіе съ эгоистическимъ, просвѣщеніе не перестанетъ развиваться такъ сказать въ одну сторону. Эгоизмъ есть характеръ современной цивилизаціи и главная причина ея несостоятельности. Жанъ-Жакъ Руссо, доказывая, что просвѣщеніе вредно, говорилъ не безъ основанія уже потому одному, что просвѣщеніе, къ которому не привился вполне гуманизмъ, дѣйствительно служить часто эксплуатаціи. Какъ не велики и благодѣтельны были изобрѣтенія механики, а они еще мало кого облагодѣтельствовали. Самое колоссальное богатство образовалось рядомъ съ безпримѣрной нищетой; самое разностороннее образованіе подлѣ тупоумнаго невѣжества. Политика иногда

обращалась въ какую-то эгоистическую интригу, еще болѣе перессорившую между собою народы. Всѣ они теперь вооружены съ головы до ногъ и слѣдятъ другъ за другомъ какъ злѣйшіе враги; повсюду совершенствуются орудія истребленія и орудія защиты; даже и геніальныя усилія науки дѣлаются тутъ умѣстными. Недовѣріе господствуетъ во всемъ мірѣ; только еще обоюдное желаніе нанести вредъ какой-нибудь изъ національностей сближаетъ между собою націи; всѣ-же прочіе союзы ненадежны. Дуэли между отдѣльными личностями повсемѣстно запрещены, а дуэли между народами почти неизбѣжны; право суда Божія отвергнуто, а право завоеванія господствуетъ. Всѣ правительства говорятъ, что война бичъ, а между тѣмъ ни одно изъ нихъ не можетъ выпустить этого бича изъ рукъ. А самый актъ столкновенія народовъ: всѣ инстинкты, сдерживаемые и уничтожаемые въ мирное время, получаютъ тутъ полный просторъ; долго накопляемыя богатства, вѣками сооруженные города, тяжолымъ и

продолжительнымъ трудомъ устроенный бытъ, тысячи семействъ и обществъ, - все это рушится разомъ. вмѣстѣ съ усиленіемъ производительности въ Европѣ увеличиваются и средства къ разрушенію. Когда-то она трепетала за свою цивилизацію передъ варварами, теперь уже приходится самой себя бояться. И что-же ей предлагаютъ какъ универсальное средство? - Пользу и выгоду, выгоду и пользу; утилитаризмъ; сигары вмѣсто Шекспира и рѣзаніе себѣ носовъ изъ экономіи.

НИКОЛАЙ СОЛОВЬЕВЪ.
